

ОШ МАМЛЕКЕТТИК УНИВЕРСИТЕТИНИН ЖАРЧЫСЫ. ХИМИЯ. БИОЛОГИЯ.
ГЕОГРАФИЯ

ВЕСТНИК ОШСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА. ХИМИЯ. БИОЛОГИЯ.
ГЕОГРАФИЯ

JOURNAL OF OSH STATE UNIVERSITY. CHEMISTRY. BIOLOGY. GEOGRAPHY

e-ISSN: 1694-8688
№1(6)/2025, 112-141

ГЕОГРАФИЯ

УДК: 911.52; 504.03

DOI: [10.52754/16948688_2025_1\(6\)_13](https://doi.org/10.52754/16948688_2025_1(6)_13)

**ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ОБЪЕКТА ПРИРОДНОГО И
ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО
РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ БРАСЛАВСКОГО РЕГИОНА
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)**

АЙМАКТЫ ТУРУКТУУ ӨНҮКТҮРҮҮ ШАРТТАРЫНА ЖАРАТЫЛЫШ ЖАНА
ТАРЫХЫЙ-МАДАНИЙ МУРАСТАРДЫН ОБЪЕКТИ КАТАРЫНДА МАДАНИЙ
ЛАНДШАФТТАРДЫ ИЗИЛДӨӨ (БЕЛАРУС РЕСПУБЛИКАСЫНЫН БРАСЛАВ
АЙМАГЫНЫН МИСАЛЫНДА)

STUDY OF THE CULTURAL LANDSCAPE AS AN OBJECT OF NATURAL AND HISTORICAL-
CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES
(ON THE EXAMPLE OF THE BRASLAV REGION OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Кузьмин Савелий Игнатьевич
Кузьмин Савелий Игнатьевич
Kuzmin Saveli Ignatievich

Ph.D., доцент, Берлинский университет имени Александра Гумбольдта
PhD, доцент, Александр фон Гумбольдт атындагы Берлин университети
PhD in Geography, Associate Professor, Alexander von Humboldt University of Berlin
savelij.kuzmin@geo.hu-berlin.de, kuzminsaveli@gmail.com

ORCID: 0000-0002-0953-3570

Давыдик Елена Евгеньевна
Давыдик Елена Евгеньевна
Davydik Elena Evgenievna

старший научный сотрудник, Белорусский государственный университет
улул илимий кызматкер, Беларус мамлекеттик университети
Senior Researcher, Belarusian State University
alenadavydzik@gmail.com, ecoland.bsu@gmail.com

ORCID: 0000-0002-2051-3634

Сазонов Алексей Александрович
Сазонов Алексей Александрович
Sazonov Aleksey Aleksandrovich

старший преподаватель, Белорусский государственный университет
улул илимий кызматкер, Беларус мамлекеттик университети
Senior Researcher, Belarusian State University
aleksey.szonov@gmail.com
ORCID: 0000-0002-8326-8744

ИССЛЕДОВАНИЕ КУЛЬТУРНОГО ЛАНДШАФТА КАК ОБЪЕКТА ПРИРОДНОГО И ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КОНТЕКСТЕ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИЙ (НА ПРИМЕРЕ БРАСЛАВСКОГО РЕГИОНА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Аннотация

В статье представлены результаты исследования культурного ландшафта отдельно взятого региона, рассмотрены основные этапы формирования современного культурного ландшафта исследуемой территории, обусловленные природными, социально-экономическими и политическими факторами. Показана трансформация природного ландшафта с учетом характера его использования человеком и изменения общественно-экономических условий. Выполнен анализ распределения объектов историко-культурного наследия в исследуемом регионе и их систематизация. На основе анализа разновременных карт и данных национального земельного кадастра (период 1935–2023 гг.), оценки официальных статистических данных социально-экономического развития показаны происходящие изменения в землепользовании и трансформации основных направлений развития региона. Сделан вывод, что мероприятия по сохранению природного и историко-культурного наследия, могли бы вносить определенный вклад в социально-экономическое развитие региона и одновременно служить в качестве предложений для достижения национальных и региональных целей устойчивого развития. Исследования проведены на примере культурного ландшафта Браславского региона Республики Беларусь.

Ключевые слова: культурный ландшафт, устойчивое развитие, деятельность человека в ландшафте, социокультурные функции, природные и историко-культурные объекты, Браславский регион

**АЙМАКТЫ ТУРУКТУУ ӨНҮКТҮРҮҮ
ШАРТТАРЫНА ЖАРАТЫЛЫШ ЖАНА
ТАРЫХЫЙ-МАДАНИЙ МУРАСТАРДЫН
ОБЪЕКТИ КАТАРЫНДА МАДАНИЙ
ЛАНДШАФТТАРДЫ ИЗИЛДӨӨ (БЕЛАРУС
РЕСПУБЛИКАСЫНЫН БРАСЛАВ АЙМАГЫНЫН
МИСАЛЫНДА)**

**STUDY OF THE CULTURAL LANDSCAPE AS AN
OBJECT OF NATURAL AND HISTORICAL-
CULTURAL HERITAGE IN THE CONTEXT OF
SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF TERRITORIES
(ON THE EXAMPLE OF THE BRASLAV REGION
OF THE REPUBLIC OF BELARUS)**

Аннотация

Макалада тигил же бул аймактын маданий ландшафтын изилдөөнүн натыйжалары келтирилип, табигый, социалдык-экономикалык жана саясий факторлор менен аныкталган изилденүүчү аймактын азыркы маданий ландшафтынын калыптанышынын негизги этаптары каралат. Изилденип жаткан аймактагы тарыхый-маданий мурас объектилеринин таралышы жана аларды системалаштыруу боюнча талдоо жүргүзүлдү. Көп убакыттык карталарды жана мамлекеттик жер кадастрынын маалыматтарын талдоонун негизинде (1935-2023-жылдар), социалдык-экономикалык өнүгүү боюнча расмий статистикалык маалыматтарга баа берүүлөр, жерди пайдаланууда болуп жаткан өзгөрүүлөр жана региондорду өнүктүрүүнүн негизги багыттарын трансформациялоо көрсөтүлгөн. Табигый жана тарыхый-маданий мурастарды сактоо боюнча чаралар аймактын социалдык-экономикалык өнүгүүсүнө белгилүү бир салым кошуп, ошол эле учурда улуттук жана региондук туруктуу өнүгүү максаттарына жетүү боюнча сунуштар катары кызмат кыла алат деген тыянак чыгарылды.

Ачкыч сөздөр: маданий ландшафт, туруктуу өнүгүү, ландшафттагы адамдын ишмердүүлүгү, социалдык-маданий функциялар, жаратылыш жана тарыхый-маданий объектилер, Браслав областы

Abstract

The article presents the results of the study of the cultural landscape of a particular region, considers the main stages of the formation of the modern cultural landscape of the study area, caused by natural, socio-economic and political factors. The transformation of the natural landscape is shown taking into account the nature of its use by humans and changes in socio-economic conditions. The analysis of the distribution of historical and cultural heritage sites in the study region and their systematization is carried out. Based on the analysis of multi-temporal maps and data from the national land cadastre (period 1935–2023), assessment of official statistical data on socio-economic development, the ongoing changes in land use and transformation of the main directions of regional development are shown. It is concluded that measures to preserve the natural and historical-cultural heritage could make a certain contribution to the socio-economic development of the region and at the same time serve as proposals for achieving national and regional sustainable development goals. The research was conducted on the example of the cultural landscape of the Braslav region of the Republic of Belarus.

Keywords: cultural landscape, heritage, sustainable development, human activity in the landscape, socio-cultural functions, natural and historical-cultural objects, Braslav region

Введение

Быстрый экономический рост, начавшийся с середины прошлого столетия, и его обеспечение за счёт увеличивающегося использования природных ресурсов, явились первопричиной ряда конфликтных ситуаций в обществе, ухудшающих экологические условия проживания и здоровье населения. В рамках поиска адаптивной модели развития, которая бы минимизировала подобные противоречия, мировым сообществом была разработана Концепция устойчивого развития, принятая в Рио-де-Жанейро в 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию. В отличие от абстрактных моделей, Концепция ООН не только раскрывает общую стратегию устойчивого развития (осуществление хозяйственной деятельности человечества при равновесном развитии экономической, экологической и социальной составляющих), но и предлагает конкретный инструментарий для государств по достижению целей развития (реализация программ действий на локальном уровне во взаимодействии органов власти, гражданского общества и частного бизнеса) [1].

В 2015 г. на саммите ООН по устойчивому развитию в Нью-Йорке были приняты: Повестка-2030, гармонизированная с целями развития тысячелетия (Millennium Development Goals), а также Глобальные цели устойчивого развития (Sustainable Development Goals), включающие в себя 17 целей устойчивого развития высшего порядка (далее – ЦУР), 169 подцелей и 244 индикатора по их достижению [2]. Уже в сентябре 2015 г. Республика Беларусь стала одной из 193 стран, выразивших приверженность Повестке-2030 в области устойчивого развития, а также приняла на себя обязательства по обеспечению устойчивого, всеохватывающего и поступательного экономического роста, социальной интеграции и охране окружающей среды. Беларусь стала одной из первых в мире стран, присоединившихся к Концепции устойчивого развития: в 1997 г. принята Национальная стратегия устойчивого развития (далее – НСУР) на пятнадцатилетний период, а в 2015 г. – Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь до 2030 г. [3, 4]. Одной из основных задач НСУР до 2030 г. является трансформация модели национальной экономики от административного к индикативному планированию, инновационное развитие экономики и переход к зрелому гражданскому обществу, повышение уровня и качества жизни населения при сохранении благоприятной окружающей среды для будущих поколений [4]. Для решения задач НСУР и мониторинга их выполнения в Беларуси определены 225 индикаторов, в том числе 131 показатель, соответствующий глобальному уровню и 94 индикатора предложены с учетом национальных интересов [5, 6, 7].

Одной из важнейших задач, обозначенных в НСУР страны на период до 2030 г. является сохранение природного и историко-культурного наследия Беларуси для нынешнего и будущего поколений. В частности, на это направлена задача 11.4 «Активизировать усилия по защите и сохранению всемирного культурного и природного наследия», сформулированная в рамках Цели №11 «Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов» [8].

Эффективность реализации мероприятий, направленных на защиту и сохранение объектов культурного и природного наследия, достигается благодаря комплексному подходу к их выделению и устойчивому использованию, основанному на положениях концепции культурного ландшафта.

В Конвенции ООН «Об охране всемирного культурного и природного наследия» (принятой в 1972 г. и вступившей в силу для Республики Беларусь с 12 января 1989 г.) подчеркивается, что отдельные объекты культурного наследия имеют ценность, исключительно благодаря положению в ландшафте, а достопримечательные места являются результатом совместного творчества человека и природы [9]. С учетом изменений и дополнений (2018 г.), внесенных в «Руководство по выполнению Конвенции об охране Всемирного наследия» культурные ландшафты являются самостоятельным объектом наследия, иллюстрируя эволюцию человеческого общества с течением времени, происходившую под влиянием физических ограничений и/или возможностей, обусловленных окружающей средой, а также сменяющих друг друга социальных, экономических и культурных факторов, как внешних, так и внутренних [10].

В научной среде (особенно в школе «советского» ландшафтоведения, в рамках которого сформировалась белорусская ландшафтоведческая школа) термин «культурный ландшафт» имеет чрезвычайно большое количество трактовок [11]. Первые попытки систематизации культурного ландшафта на «советском» пространстве были предприняты Ю.Г. Саушкиным [12], его идеи были развиты Ф.Н. Мильковым, считавшим, что «культурный ландшафт – это разновидность антропогенного ландшафта, созданного человеком сознательно путем изменения природного ландшафта в нужном направлении для хозяйственных целей» [13].

Главным признаком культурного ландшафта по мнению советских ландшафтоведов являлась степень его вовлеченности в экономическую деятельность страны, что соответствовало социально-экономическим течениям того времени. С другой стороны, подходы американских и европейских ученых были направлены на сохранение природной составляющей ландшафтов и вовлечение их в экономику страны как объектов сферы услуг, а не производства [14]. В более широкой перспективе Х. Плахтер и М. Росслер (1995) определяют культурные ландшафты как результат «взаимодействия между людьми и их естественной средой в пространстве и времени» [15]. В культурных ландшафтах ресурсы наследия сохраняют историческую самобытность и усиливают социальную сплоченность населения [16].

Признаком, объединяющим объекты культурного наследия и культурные ландшафты, как считают российские ученые Ю. Веденин и М. Кулешова, является высокое развитие информационного слоя, которое свидетельствует о ценности не только ландшафта, но и входящих в его состав элементов [17]. Информационный слой является элементом культурного ландшафта и формирует его образ. Информация способствует созданию и развитию культурных ландшафтов, поэтому является основной ценностью ландшафта как объекта наследия (информация об объекте наследия, а не сам объект) [17].

Сложившиеся взгляды на культурный ландшафт предопределили выделение основных подходов к их оценке: ландшафтный и культурологический [11]. При этом прикладных, комплексно-географических исследований, сочетающих оценку природных свойств, антропогенного преобразования (ландшафтный подход) и оценку историко-культурного потенциала (культурологический подход) ландшафтов, недостаточно, как за рубежом, так и в Республике Беларусь.

Большая часть ландшафтно-экологических исследований в Беларуси посвящена изучению природных свойств ландшафтов, их вертикального и горизонтального строения, классификации и районированию, оценке ландшафтного разнообразия и выделению редких и типичных природно-территориальных комплексов (ПТК), пространственной и функциональной структуре природно-антропогенных ландшафтов [18–21], в то время как научные работы по изучению культурных ландшафтов являются достаточно редкими, а направление – относительно новым для белорусских ландшафтоведов [22–26]. Следует отметить, что несмотря на недостаточную проработку данного научного направления, в Беларуси предпринимались отдельные попытки практического внедрения концепции «культурного ландшафта» в сферу устойчивого развития территории. Такие работы были выполнены для национального парка «Нарочанский» в рамках пилотного проекта [27].

Следствием слабого внимания к проблеме исследования культурных ландшафтов Беларуси как объектов наследия, их формированию и охране, является отсутствие не только правового регулирования данного вопроса, но и отсутствие самого термина «культурный ландшафт» в действующем законодательстве. В то же время, охрана отдельно взятых объектов историко-культурного наследия (историко-культурных ценностей) регулируется Кодексом о культуре Республики Беларусь [28], а охрана отдельных объектов природного наследия (наиболее ценных видов животного и растительного мира, уникальных природных комплексов) – рядом актов в области природоохранного законодательства.

Таким образом, комплексно-географические исследования культурных ландшафтов (далее – КЛ) представляются важной научной задачей, результаты решения которой позволяют не только определить характер развития отдельно взятого региона и формирования его культурного и природного наследия, но и могут способствовать устойчивому развитию территорий через их широкое вовлечение в программы социально-экономического развития.

Цель, основные задачи и методы исследования

Целью исследований являлся научный анализ характера формирования и развития культурного ландшафта отдельно взятого региона как объекта природного и историко-культурного наследия, а также возможностей применения полученных результатов в различных программах развития в контексте достижения целей устойчивого развития отдельно взятой территории.

Объектом исследований выступил культурный ландшафт Браславского региона. Рассматриваемый регион расположен в Браславском административном районе, и захватывает небольшую часть соседнего Миорского района, занимая площадь в 228 тыс. га (площадь Браславского района – 227 тыс. га). Территориально регион расположен на северо-западе Республики Беларусь и граничит с Латвией и Литвой. Рассматриваемый регион расположен в зоне ледниковой аккумуляции последнего покровного плейстоценового оледенения Евразии, характеризуется уникальным холмисто-грядовым рельефом с многочисленными озерами, образуя отдельный географический район — Браславское Поозерье, который входит в состав Белорусского Поозерья (рисунок 1). В свою очередь,

Белорусское Поозерье является составной частью более крупного физико-географического образования – Балтийской гряды, протянувшейся (около 1500 км) вдоль южных и юго-восточных побережий Балтийского моря в Германии, Польше, Литве, Латвии, Беларуси и России.

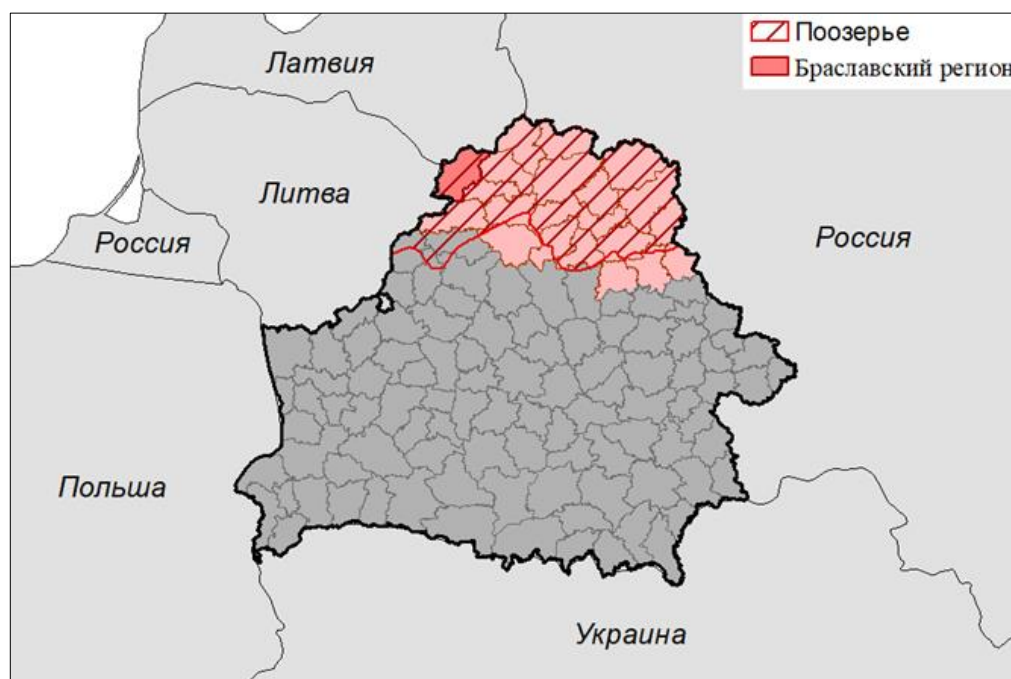

Рисунок 1. Объект исследований (Браславское Поозерье)

Понимание авторами статьи термина «культурный ландшафт» базировалось на принципах, изложенных в Руководстве ЮНЕСКО по применению Конвенции о Всемирном наследии» [10]. Культурный ландшафт трактуется нами как природно-территориальный культурно-исторический комплекс (ПТКИК) – единое многокомпонентное пространственное образование, являющееся отражением природного и исторического развития рассматриваемой территории, традиционных видов (форм) землепользования, включающее объекты материальной и духовной культуры, местное население и хозяйство, системы поселений, обрядовые и культовые сооружения. При таком понимании КЛ авторы статьи считают, что не каждый природно-антропогенный ландшафт является культурным ландшафтом: только преобразованный человеком ландшафт, включающий в себя объекты наследия и имеющий значительное историческое значение (локальное, региональное, национальное либо международное), может рассматриваться как культурный ландшафт.

Для достижения поставленной цели решались следующие **основные задачи**:

- анализ основных этапов формирования культурного ландшафта Браславского региона;
- анализ современного историко-культурного и природного наследия исследуемой территории;
- анализ функционального использования территории Браславского региона;
- анализ современного «вовлечения» КЛ и его объектов в программы социально-экономического развития региона;

– разработка предложений по устойчивому развитию исследуемой территории с учетом имеющегося в регионе природного и историко-культурного наследия культурного ландшафта.

Методика исследования и исходные материалы. Методологической основой исследования являлся системный подход, основанный на эволюционном, экологическом и историко-географическом аспектах изучения и общенаучных методах: описательном, сравнительном, статистическом, социологическом, а также географических: картографическом, картометрическом, геоинформационном, математическом, методах классификации и районирования, статистической обработки данных и моделирования. Расчетные операции и визуализация полученной информации выполнены с применением ГИС-технологий.

Основными исходными материалами для анализа представленности на исследуемой территории объектов историко-культурного и природного наследия служили серия карт Национального атласа истории Беларуси и Национального географического атласа [29, 30], материалы Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь, содержащие сведения об историко-культурных объектах (ИКО) страны [31], а также данные, полученные в ходе полевых исследований при выполнении в 2021–2023 гг. в рамках Государственной программы научных исследований (ГПНИ) Республики Беларусь «Природные ресурсы и окружающая среда», подпрограмма 1 «Природные ресурсы и их рациональное использование» научного проекта «Разработать классификацию и типологию культурных ландшафтов Беларуси для сохранения природного и историко-культурного наследия» (науч. рук. С.И. Кузьмин, Белорусский государственный университет)-

Результаты исследований

Результаты выполненного анализа разноплановых по содержанию (географическому, историческому, политическому, экономическому, социально-культурологическому и др.) опубликованных материалов, относящихся к Браславскому региону, указывают на сложный характер формирования культурного ландшафта исследуемой территории. Во многом это может быть объяснено физико-географическим положением региона, его природными особенностями, повлиявшими на доступность региона для его заселения и хозяйственного освоения на начальном этапе освоения человеком. В то же время, природная привлекательность Браславского Поозерья (множество водных объектов, многообразие лесных экосистем, чередование холмистых и выровненных пространств, доступность природных ресурсов), а также его выгодное расположение относительно транспортных путей (путь из «варяг в греки» по водным объектам) и его «трансграничное» положение явились дополнительными факторами формирования на этой территории специфического культурного ландшафта.

В физико-географическом плане рассматриваемая территория приурочена к Браславской гряде и Полоцкой низине, формирование которых началось около 70 тыс. лет назад и закончилось приблизительно 10 тыс. лет назад во время продвижения и последующей деградации последнего четвертичного оледенения (по национальной классификации это период Поозерского оледенения и его последней Браславской стадии)

[32]. Именно в этот период происходило формирование рельефа территории – конечно-моренных гряд, многочисленных водно-ледниковых форм (камовых холмов и озовых гряд), ложбин стока талых ледниковых вод, термокарстовых и эвразийских котловин, плоских поверхностей выравнивания. Протянувшиеся от 2–4 до 25–35 километров отдельные гряды, возвышающиеся над озерами на 20–40 м (к примеру, в районах н.п. Слободка над озерами Потех, Неспиш, Ильменок и н.п. Плюссы над оз. Плюссы), многочисленные отдельные крупно-, средне- и мелкохолмистые (соответственно с относительными превышениями свыше 25 м, 25–10 м и менее 10 м) участки рельефа с отвесными склонами (крутизна отдельных склонов достигает 30° и более), а также пологоволнистые участки заандровых равнин и плоские участки озерно-ледниковой низины с развитыми эоловыми формами (дюнами и отдельными буграми), чередующиеся с многочисленными озерами и долинами рек (площадь современных водных объектов составляет чуть меньше 10 %), сформировали уникальный природный ландшафт с контрастным рельефом (максимальная амплитуда высот в регионе составляет 112 метров). Все это придает ландшафтам Браславского региона исключительную пейзажную выразительность и объединяет их с эталонными ландшафтами Балтийских Поозерий.

Характер рельефа территории, сложный литологический состав отложений (моренные суглинки, водно-ледниковые супеси, озерно-ледниковые пески и глины), разнообразие форм рельефа предопределили неоднородность почвенного покрова. Наиболее распространенными являются дерново-подзолистые почвы, развивающиеся на связных песках или рыхлых супесях, подстилаемые моренными суглинками, реже водно-ледниковыми песками [32]. Особенной сложностью и контрастностью отличается почвенный покров холмисто-грядового рельефа, в пределах которого на относительно небольших участках (10–20 га) может встречаться весь набор почвообразующих и подстилающих пород всего Белорусского Поозерья. Эти различия повлияли на дробность почвенных контуров (очень часто их размер составляет 0,05 га и менее), их контрастность, мозаичность распространения почв с различными свойствами, а также на размер формируемых в сельском хозяйстве обрабатываемых земельных участков [33]. Развитие на склоновых землях эрозийных процессов оказало влияние на изменение кислотности почв в сторону нейтральности, в результате чего пахотные угодья в Браславском районе имеют самый низкий процент кислых почв в Беларуси. Еще большее различие на таких участках характерно для перераспределения в почве органического вещества — сильно- и среднеэродированные почвы могут иметь в разы меньше органического вещества, чем намывные почвы [34]. С данными условиями контрастирует небольшая часть региона, относящаяся к озерно-ледниковой Полоцкой низине. Эти отложения перекрыты с поверхности маломощными (0,2–0,7 м) пылеватыми водонепроницаемыми суглинками, которые способствовали заболачиванию территории и формированию в ее пределах крупных болотных массивов.

Можно предположить, что сформированная таким образом территория с ее уникальными разнообразными ландшафтами и наличием большого количества природных ресурсов представляла большой интерес для освоения человеком. В то же время заселение древним человеком Браславского Поозерья стало возможным лишь после отступления с данной территории последнего ледника и формирования, в первую очередь, климатических условий, соответствующих пределам выносливости человека. Здесь нужно отметить, что

вопросы хронологии изменения природных условий, формирования растительного и животного мира (равно как и последовательности заселения человеком) территории и особенностей ее хозяйственного освоения, а также приуроченности той или иной археологической культуре Браславского региона являются, на наш взгляд, весьма сложными из-за недостаточности данных, относящихся непосредственно к рассматриваемому объекту исследований. На основе анализа опубликованных, прежде всего, палеогеографических, археологических и картографических материалов мы попытались кратко, останавливаясь только на основных этапах, представить историю развития природной среды во взаимосвязи с заселением и хозяйственным освоением территории Браславского Поозерья. Такой ретроспективный взгляд позволил установить особенности формирования культурных ландшафтов в регионе.

Согласно [35] первый этап дегляциации Белорусского Поозерья (включая и Браславский регион) длился примерно от 20,0 до 15,5 тыс. календарных лет назад (далее – к.л.н.), в конце которого (более 14,7 тыс. к.л.н.) на данной территории сформировался растительный покров травяно-кустарничковой тундры. Смена, произошедшая около 14 тыс. к.л.н., господствующей травяно-кустарниковой тундры на травяно-лесотундровую с экспансией березы и сосны (с долей трав 20–40 %, и доминированием среди древесных пород березы) произошла после полного освобождения Белорусского Поозерья от ледникового покрова [там же]. В период потепления в аллереде (13,8–12,8 тыс. к.л.н.) доля перигляциальной флоры и травянистых ассоциаций уменьшилась (травы 10–20 %), а около 13 тыс. к.л.н. в лесном покрове появилась ель. Можно предположить, что несмотря на последующие кратковременные похолодания (когда разреженность лесной растительности увеличивалась, а травяной покров достигал 20–40 % [35]) растительность Браславского региона в дальнейшем не претерпевала кардинальных структурных изменений. Ко времени наступления голоцена в рассматриваемом регионе (нижняя граница 11,7 тыс. к.л.н.) доля ели составляла 20 %, а доля трав – 40 % [35]. Подобный тип растительности с участием ели до 20 % существовал и для приграничных районов Латвии [36].

Первые поселения древнего человека на территории Браславского Поозерья могли возникнуть уже с началом теплой фазы голоцена – в пребореале (приблизительно 10,0–9,0 тыс. лет назад) [37]. Считается, что до начала этого периода суровые климатические условия не позволяли древнему человеку (кроманьонцу) заселять данную территорию на постоянной основе, хотя в отдельные периоды он мог проникать сюда, охотясь за мигрирующими с юга Беларуси на север животными (прежде всего, охотясь на северного оленя, который, в свою очередь, мигрировал на север по мере смещения основной среды обитания – тундры вслед за отступающим ледником) [38].

Согласно [29] первые постоянные поселения на данной территории появляются в период мезолита (средний каменный век) приблизительно VIII–V тыс. лет до н.э. (заселение шло с северо-западного направления). По косвенным признакам – наличию поселений севернее, северо-западнее и западнее, в Балтийском регионе, а также восточнее и северо-восточнее границ Браславского Поозерья (2 поселения в Полоцком и одно в Верхнедвинском районах) и обнаруженных в них артефактах – древнейшее пребывание человека в рассматриваемом регионе соответствует представителям кундской археологической культуры – одной из первых археологических культур северо-западной Европы. Для культуры кунда был характерен переход к более оседлому образу поселения,

обусловленному сменой способов ведения охоты от преследования подвижных стадных видов животных (того же северного оленя) к охоте за менее подвижными «нестадными» копытными (охота на лося, к примеру). Более оседлой жизнь древнего человека в этот период делало также занятие рыбной ловлей. Поэтому поселения кундской культуры на данной территории могли быть приурочены, прежде всего, берегам рек, озер, опушкам леса. Основная масса орудий производилась из камня и кости животных, так как кремния в Браславском регионе было мало [38].

Кундскую археологическую культуру сменила нарвская культура эпохи неолита (V тыс. – конец III тыс. до н.э.), характерная для территории Балтийского региона, северной Беларуси и южного российского Приладожья. Характерной особенностью нарвской культуры является ее постепенное слияние с племенами культуры ямочно-гребенчатой культуры, наступавшей на данный регион с северо-востока и востока [29]. В этот период рыболовство становится одним из ведущих видов хозяйствования. Именно рыболовство в сочетании с охотой на зверя создает предпосылки для проживания населения на одном месте круглый год. В этот период появляются первые зачатки земледелия и скотоводства. Как и в предшествующее время в период нарвской культуры человек селился преимущественно по берегам водоемов. Жилища представляли собой, в большинстве случаев, полуземлянки, но и в этот период появляются и наземные четырёхугольные постройки с использованием дерева и глины. Отличительной чертой этого периода является появление в артефактах изделий из керамики. Находки керамики этого периода представляют собой большие сосуды с прямым венчиком и округлым или острым дном, небольшие миски, орнамент гребенчато-ямочный и в виде нарезных линий в верхней части сосудах. Орудия труда по-прежнему выполняются из камня, но они становятся более миниатюрными и отшлифованными, орудий из кремния на Браславщине по-прежнему немного (наконечники стрел, скребки), высоко развита обработка кости (наконечники стрел, гарпуны, мотыги, долота, тесла), в особенности кости рогов животных [38].

В переходный период от позднего неолита до начала бронзового века (начало II тыс. – конец I тыс. до н.э.) Браславский регион располагался в зоне влияния северобелорусской археологической культуры, памятники которой распространены в Витебской и Минской областях Беларуси, на юге Псковской и северо-западе Смоленской областей России, на юго-востоке Латвии), а также распространения схожей культуры шнуровой керамики (получило широкое распространение на обширных просторах Скандинавии, Центральной и Восточной Европы) [29, 39, 40]. Носители северобелорусской культуры занимались охотой, рыболовством, собирательством, дальнейшее развитие получило земледелие и скотоводство. Поселения располагались в основном вдоль рек и озер, изредка на высохших торфяниках. Для этого периода были характерны немногочисленные поселения [39, 40].

Необходимо отметить, что несмотря на припадающие на рассмотренные периоды коренные изменения (своеобразную «революцию») – переход от примитивного собирательства, охоты и рыболовства к производящему сельскому хозяйству (земледелию и животноводству), сколько-либо существенного преобразования человеком природных ландшафтов Браславского Поозерья в эти периоды не происходило.

Артефакты бронзового века (конец I тыс. до н.э. – IV век до н.э.) и сменившего его железного века, на территории Браславского Поозерья представлены в раскопанных в

регионе насыпях и многочисленных курганах. Обнаруженные сотни фрагментов лепной посуды и остатки орудий труда (представлены каменными, сохранявшими свое значение еще до начала н.э.; и немногочисленными железными топорами, серпами, ножами, рыболовными крючками, посоховидными булавками, пряжками) относятся к культуре штрихованной керамики (VII век до н.э. – IV век н.э.) и к позднему этапу влияния на данный регион днепровской культуры [41]. Городища культуры штрихованной керамики располагались небольшими группами по 2–4 поселения в каждой. По-видимому, группы принадлежали отдельным родам. Характерным типом жилища был большой наземный деревянный дом, разделенный на несколько помещений, площадью 22–25 м² [42]. Исследователи данного периода отмечают, что основу хозяйства носителей культуры штрихованной керамики составляло подсечное земледелие, главные орудия которого представлены железными топорами и серпами. Но подсечное земледелие не всегда было надежным источником существования. Поэтому значительное место в хозяйстве обитателей городищ занимало скотоводство и охота. Население разводило коров, свиней, лошадей, овец. Влияние днепровской культуры (вторая половина I–II тысячелетие н.э.) протекало путем проникновения из центральной части страны в Браславский регион вверх по р. Днепр и далее по течению Западной Двины культуры, близкой к культуре штрихованной керамики [43]. Для днепровской культуры было характерно ведение подсечно-огневого мотыжного земледелия и скотоводства, а также охота (в лесной зоне охотились, в основном, на лося и кабана). Население жило в укрепленных деревянных городищах вблизи водоемов. Поселение ограждалось частоколом и земляным валом [29, 42]. По косвенным признакам – периоду возникновения (в конце I тысячелетия до н.э.) пахотного земледелия в Восточной части Балтийского региона и его распространения в зоне локализации балтских племен [43], а также на том, что распространение земледелия на север Беларуси шло с запада на восток через современную территорию стран Балтии [44], многие археологи делают предположение, что пахотное земледелие в Браславском Поозерье могло возникнуть в этот же период, но не позднее второй половины I тысячелетия н.э. [43].

Надо отметить, что не вызывает больших споров вопрос об этническом характере культуры штрихованной керамики. Племена штрихованной керамики занимали территорию, на которой распространены гидронимы, восходящие к балтийским языкам. Это обстоятельство вместе с отмеченным фактом отсутствия преемственной связи с последующими культурами славянского круга свидетельствует о принадлежности племен культуры штрихованной керамики к группе народов, говоривших на балтийских языках. Так, А.А. Егорейченко, исследовавший данный регион, указывает, что «памятники культуры поздней штрихованной керамики (КПШК) Браславского Поозерья имеют максимальное сходство с городищами северо-восточной Литвы и юго-восточной Латвии. Все они составляют единую область, в которой ранее была распространена культура ранней штрихованной керамики (КРШК). Материальная культура этих поселений имеет ряд отличительных черт от более южных районов КПШК, распространенных в Восточной Литве и Центральной Беларуси» ... «это позволяет поставить вопрос о выделении памятников северо-восточной Литвы, северо-западной Беларуси и юго-восточной Латвии в самостоятельный вариант КПШК» [45]. Поэтому, на основании большого массива данных рядом исследователей констатируется, что если к концу эпохи железа, на рассматриваемой территории сформировался более-менее однородный этнокультурный массив племен

западно-двинского и верхнеднепровского бассейнов, то начиная с середины I тыс. н. э. археология фиксирует разнообразные сдвиги в социально-экономической жизни населения, вызванные перемещением различных групп населения, являющихся носителями разнообразных культурных традиций [46].

Следующий период развития Браславского Поозерья мы объединили во временной отрезок с середины I тысячелетия н.э. – IX век н.э. Именно в это время на основной территории бассейна Западной Двины происходят значимые этнокультурные изменения: исчезновение памятников днепро-двинской культуры и появление артефактов, которые имели другой характер и свидетельствовали о значительном внешнем влиянии на местное население. Если на белорусско-литовско-латышской части было характерно распространение гладкостенной и «шурпатовой» керамики прибалтийских узоров, то с восточной части (со стороны Полоцкого Подвинья) в регион стали проникать предметы банцеровской и тушемлинской культур (культур, непосредственно предшествующих расселению на этой территории славян-кривичей) [43, 47]. Принято считать, что постепенная ассимиляция проживающих в этом регионе восточных балтов произошла после рубежа VII и VIII веков в результате расселения на этой территории славян (данное расселение было связано с процессами так называемого «Великого переселения народов», начавшегося в V веке н.э. [29]). Произошедшие изменения были такими значительными, что позволили говорить об образовании на данной территории нового этнического сообщества, культура которого характерными чертами отличалась от культуры населения предыдущего времени (другой тип поселений, своеобразный характер жилья, новые черты материальной культуры, своеобразные обряды захоронений и др.) [43].

В этот период происходит перестройка в структуре расселения населения: наряду с укрепленными родовыми городищами широкое распространение получают поселения на открытых местах – деревни (население стало покидать родовые городища в связи с необходимостью освоения новых земель. Замкнутый и традиционный образ жизни препятствовал внедрению новых форм хозяйствования, развитию домашнего промысла и торговле. Переход на открытые и более низкие пространства объяснялся также потеплением климата в начале I тысячелетия, снижением уровня грунтовых и поверхностных вод и возможностью освоения более плодородных, ранее затопленных пойменных земель). Количество жителей в таких поселениях в середине I тысячелетия н.э. могло достигать 50–70 человек, в целом же для региона плотность населения могла составлять не более 1 человека на 2–2,5 км² [43]. Однако само число деревень оставалось небольшим. Землепользование больше развивалось в условиях холмисто-моренно-озерных и камово-моренно-озерных ландшафтов (основными культивируемыми видами являлись ячмень, пшеница, лен, бобовые культуры, хотя общая сельскохозяйственная освоенность территории была низкой, не более 1,5–2 %). Развивались традиционные уже для данной территории животноводство (видовой состав с предыдущим периодом не изменился, но крупный рогатый скот становится доминирующим, составляя приблизительно 40 % от всех домашних животных), рыбная ловля, охота и дойлидство, гончарное дело, а также развиваются новые виды хозяйственной деятельности – бронзолитейное производство и, хоть и с незначительным опозданием, – металлургия и кузнечное дело [43, 47].

Исчезновение в этот период укреплений вокруг поселений в определенной степени способствовало разрушению изоляции родоплеменных коллективов и создание предпосылок

для формирования общности не только на основе родоплеменного признака, но и на основе совместного проживания и совместной трудовой деятельности. Важным моментом в социальной структуре населения, произошедшим в регионе, является перестройка в отношениях между родовыми кланами и племенами. Коллективная организация становится доминирующей и вопросы безопасности поселений (территориальных общин) в целом от нападений как со стороны родственных, так и неродственных групп являются делом всей общины.

Следующие, на наш взгляд, важные преобразования природных ландшафтов в результате социально-экономического развития региона, формирования будущих объектов историко-культурного наследия и культурного ландшафта Браславского Поозерья происходили в обособленные нами следующие периоды:

– исследуемая территория в составе Полоцкого княжества (X век – XIV век) (рисунок 2), Великого Княжества Литовского (полное название государства – Великое Княжество Литовское, Русское и Жамойтское (XIV век – 1569 г.) (рисунок 3) и Речи Посполитой (офиц. название – Королевство Польское и Великое княжество Литовское) (1569–1795 гг.);

– нахождение в составе Российской Империи (1795–1917 гг.) (рисунок 4) и в составе СССР (1939–1991 гг.);

– Браславский регион в составе независимой Республики Беларусь (с 1991 г. по настоящее время, современный период).

Рисунок 2. Браславский регион в составе Полоцкого княжества

Рисунок 3. Браславский регион в составе Великого княжества Литовского

Рисунок 4. Браславский регион в составе Российской империи

Первое упоминание о г. Браславе датируется 1065 г. (город немного древнее столицы современной Беларуси). На существование в этот период нескольких небольших городов в регионе указывают данные археологических раскопок [41, 42]. Прежде всего, это поселения на месте современных населенных пунктов: Браслав, Масковичи, Дрисвяты, Ратюнки, Слободка, Друя. Данные поселения выполняли, в первую очередь, роль пограничных форпостов и развивались как фортификационные сооружения (на это указывают, в том числе, и многочисленные фрагменты оружия, найденные при раскопках курганов браславско-миорской группы [41]), роль которых сводилась к охране Полоцкого княжества от военных набегов со стороны Литвы и закреплению за княжеством земель, заселенных славянами. Одновременно, оборонительные поселения являлись центрами колонизации, торговыми и ремесленными площадками.

Для каждого из древних населенных пунктов ядром поселения являлась укрепленная часть (детинец), которая была обнесена оборонительными сооружениями (водными каналами, земляными валами и крепостными стенами). В детинце сооружался замок, в котором жил князь с дружиной или воеводой с гарнизоном, и к нему примыкал посад –

окрестный город с поселениями и торговыми рядами. Такое обустройство городищ, чаще расположенных на высоких участках берегов озер и имевших площадь в среднем 1 га, было характерно для всех известных поселений Браславского региона того времени. Кроме оборонительных функций, общих для всех укрепленных поселений Браславского Поозерья, они выполняли роль своеобразных современных таможенных служб – отвечали и за сбор торговых налогов. Население, незанятое оборонительными и таможенными функциями, занималось сельским хозяйством, ремеслами, торговлей, промыслами. Данные археологических исследований и имеющиеся немногочисленные летописные описания жизни населения в этот период указывают на начало формирования в это время дифференцированных слоев раннефеодального общества и его социальное расслоение [41, 48]. К примеру, с усилением власти князя и переходом земли в его собственность, установлением контроля над местным населением, а также последующей передачей князем определенным лицам, состоявшими у него на службе, права земельного владения, управления и распоряжения отдельными земельными наделами, в Браславском регионе в XII–XIII веке начинают складываться феодальные отношения, появляются первые феодалы-землевладельцы и феодально-зависимые крестьяне (через необходимость обязательной отработки на землях феодалов за право пользования землей). Найденные артефакты в археологических памятниках (городищах, могильниках и др.) свидетельствуют о торговых связях Браславского Поозерья в этот период с Полоцком, Киевом (такие находки как «шиферные пряслица», предметы домашнего обихода, характерные для поселений Киевской Руси), Балтийским регионом, Западной Европой (наличие серебряных и медных украшений и др.) и Ближним Востоком [41].

Присутствие в найденных археологических находках религиозных артефактов (энкалпионов и лампадок) может свидетельствовать также и о том, что здесь находился местный центр христианства [там же].

С вхождением в XIV веке Браславского региона в состав Великого княжества Литовского на его развитие, как и на всю Полоцкую Землю, сильное влияние оказывали, с одной стороны, постоянные военные конфликты с соседями: с северной и северо-западной стороны конфликты с «немецкими крестоносцами» (Тевтонский и Ливонский Ордена), с западной стороны – конфликты с Польским Королевством и с востока – конфликты с Москвией [29], а с другой – характерное для всей европейской части бурное развитие феодальных отношений, проявившиеся в увеличении роли земледелия и формировании аграрной экономики в Браславском Поозерье, создания на территории поместий и фольварков, а также окружающих их деревень и примыкающих к ним обрабатываемых земель [48].

С развитием фольварков росло производство зерна и других сельскохозяйственных культур, что способствовало экономическому росту региона, появлению местной знати и усилению социального неравенства. В результате этих процессов формировалась четкая социальная структура: землевладельцы (феодалы) занимали верхние позиции, а крестьяне находились в подчиненном положении.

Кроме земледелия и скотоводства в это время в регионе дальнейшее развитие получают рыболовство, лесное хозяйство, различные ремесленные производства (кузнечное дело, ткачество, гончарство и другие виды ремесел), торговля (местные рынки востребованы

купцами из других регионов). Об экономическом, торговом и социальном значении Браславского Поозерья, его «европейскости» может свидетельствовать тот факт, что ряд населенных пунктов региона в этот период обладали Магдебургским правом: г. Браслав (с 1500 г., по некоторым сведениям – с 1494 г.), н.п. Дисна (с 1563 г.), н.п. Миоры (с 1569 г.), н.п. Иказнь, н.п. Видзы и н.п. Перебродье (с 1570 г.), н.п. Друя (с 1580 г.). Такое право способствовало развитию (через освобождение от централизованных налогов) городов в Браславском регионе, обеспечивая им экономическую независимость и возможность развивать местное самоуправление. Кроме этого, жители таких городов имели особый статус и определенные привилегии, которые отличали их от крестьян и жителей сельских населенных пунктов (жители городов участвовали в самоуправлении через выборные органы, имели право владеть недвижимостью и заниматься ремеслом и торговлей, обращаться в городской местный суд и др.).

С развитием православной и католической церквей в регионе возникали первые школы и монастыри, что способствовало распространению образования и культуры (при церквях и монастырях открывались церковно-приходские школы, в которых детей обучали основам христианской веры, чтению и письму). К примеру, первый Браславский монастырь (мужской) был известен уже в 1500 г. и располагался на острове оз. Неспишь (по летописным сведениям, вначале он был православный, а позже – униатским). Женский православный монастырь был основан в 1513 г. на территории Браславского замка [49].

Характеризуя основное историко-культурное наследие периода нахождения Браславского региона в составе Речи Посполитой, необходимо отметить, что на этот период (период позднего феодализма и зарождения капитализма в Европе) приходится многочисленные военные конфликты между Речью Посполитой и Российским царством (Российской империей), оставившие значительный след в формировании современного культурного ландшафта Браславского Поозерья. На наш взгляд, это был период, когда польская элита, в отличие от периода нахождения Браславского региона в составе Великого Княжества Литовского и характерного для ВКЛ толерантного совместного сосуществования православия и католицизма, пыталась способствовать более интенсивному развитию на данной территории польского языка и католической веры. В период с 1569 года по 1795 год в Браславском регионе было построено несколько католических религиозных храмов (костелов), которые отражали архитектурные стили и религиозные традиции того времени. В ходе пожаров и военных действий многие костелы были уничтожены. Но на их месте впоследствии были построены новые католические храмы, которые сохранились до сегодняшнего дня (костелы в г. Браслав, в н.п. Видзы, Опса, Дрисвяты, Слободка, Друя, Мальки, Иказнь и др.). Важным историко-архитектурным памятником культурного и религиозного наследия в Браславском Поозерье периода Речи Посполитой является ансамбль бывшего монастыря бернардинцев с Троицким костелом (1643–1646 гг. постройки) в н.п. Друя. Здания монастыря, выполненные в стиле ренессанса и барокко, сохранились до сегодняшнего дня.

В то же время, нужно отметить, что несмотря на относительную «полонизацию» данного региона, религиозная толерантность и традиции оставались важными чертами для того времени. К существовавшим в регионе немногочисленным мусульманским общинам (к примеру, в н.п. Видзы) в период XVI–XVII веков приходится расселение на данной территории огромного количества евреев, а также христиан-старообрядцев (конец XVII –

начало XVIII веков). Данные группы людей мигрировали сюда не только в поисках новых возможностей для занятия торговлей, сельским хозяйством и ремесленничеством, но и для защиты своих свобод и религиозных ценностей. К концу XVII века в г. Браславе уже существовала еврейская община, которая играла значительную роль в жизни города и региона (в это же время строятся старообрядческие церкви в н.п. Друя, Браслав, Видзы, Нивники, Кирилино и др.). Интересен также этнический состав проживающего в регионе населения: белорусы, поляки, татары, евреи, литовцы, русские, что способствовало культурному обмену и формированию на Браславщине уникальной культурной среды.

На рассматриваемый период приходится время реализации в регионе положений волоочной аграрной реформы (начиная с 1557 г. – времени выхода положения о проведении реформы, так называемой «Уставы на волоки», и до реализации, вплоть до начала XVII века, комплекса мероприятий, направленных на увеличение дохода с государственных владений путём определения качества земель (волоки) и интенсификации сельского хозяйства (введения трёхпольной системы севооборота). Интенсификация сельского хозяйства была направлена, главным образом, на удовлетворение потребностей внешнего рынка. Результатом данной реформы явилось разрушение сельской общины и формирование подворной системы землепользования. Кроме этого, в рассматриваемом регионе на многие века сохранилась планировка крестьянских усадеб и деревень, введённая во время реформы (к примеру, деревни необходимо было застраивать по особому плану: с одной стороны должны были строить жилые дома, с другой – хозяйственные постройки). В результате реформы изменилась территориальная структура сельскохозяйственных земель: пахотные земли «резались» в форме прямоугольников на волоки (площадь которых была унифицированной и составляла 21,36 га [50]. Рассматриваемая реформа затронула и территориальное деление региона. Низшей территориальной единицей становилось войтовство, несколько войтовств образовывали волость. Центром войтовства являлся фольварк, волости — крупнейшая деревня (село). Войтовства и волости входили в состав Браславского повета. В середине XVII века Браславский повет насчитывал 5 613 крестьянских хозяйств с населением 44 904 человек. В 1775 г. в повете насчитывалось 5 888 крестьянских хозяйств, а население (по состоянию на 1790 г.) составляло 85 932 чел. [51].

Развиваясь в контексте феодальной экономики население г. Браслава и его окрестностей развивало различные ремесленные мастерские, в которых было организовано кузнечное, ткацкое, гончарное, кожевенное, мукомольное, хлебопекарное производства. Повсеместно использовались водяные и ветряные мельницы. Отдельные ремесленники объединялись в группы (своеобразные цеха). Такая деятельность способствовало переходу в будущем к мануфактурному производству.

Периоду вхождения в 1795 г. Браславского региона в состав нового государственного образования – Российской империи предшествовали не только военные конфликты непосредственно между Речью Посполитой и Российским царством (Российской империей), но и другие войны, затронувшие территорию Браславского Поозерья (к примеру, Северная война 1700–1721 гг.) [29]. Эти войны нанесли огромный ущерб и разорение региону (после некоторых военных разрушений, к примеру, в результате Русско-польской войны 1654–1667 гг., в 1661 г. повет на четыре года был освобожден от выплаты всех видов налогов [52]). Собственно, на последнее столетие этого периода приходится и разрушение всех ранее сооруженных на территории Браславского региона фортификационных сооружений, в том

числе и Браславского замка (последний раз Браславский замок упоминается в военном значении в 1765 г., после чего в последующие 20–30 лет он был разрушен. В литературных источниках отсутствует прямая ссылка на точное время разрушения Браславского замка. Возможно, замок был уничтожен в результате пожара 11 мая 1794 г., уничтожившего практически весь город и возникшего как следствие проходивших в городе боев российских войск с повстанцами восстания под руководством Костюшки. Известно, что руины замка существовали еще вплоть до конца 18 века [53]).

На первые годы нахождения Браславского региона в составе Российской Империи приходится административная реформа, оказавшее влияние на управление регионом, его развитие и социальный состав населения. В 1795 г. столица Браславского повета (переименован в уезд) переносится в н.п. Видзы, а сам уезд вначале относится к Литовской, позже к Виленской (с 1801 г.) и Ковенской (с 1842 г.) губерниям. Необходимо отметить, что Браславский уезд просуществовал до 1836 г., после чего был переименован в Новоалександровский и просуществовал вплоть до 1920 г. (периода возвращения территории в состав Польши). Присоединение данной территории к Российской империи не гарантировало его «спокойное» дальнейшее развитие. Регион по-прежнему оставался ареной многих боевых действий (к примеру, уже через несколько лет после присоединения, в 1812 г. район испытал негативное воздействие от нахождения на территории Браславщины французских, а затем и российских войск, что приводило к разрушениям, грабежам и ухудшению условий проживания местного населения [29]. Положение периодического пребывания в зоне военных действий (либо в зоне транзита через территорию армий других государств) не могло не сказаться на экономическом развитии региона в начале XIX века. В этот период сельское хозяйство оставалось основным занятием населения. Промышленное развитие было ограниченным. В отдельных районах стали развиваться такие отрасли, как лесозаготовка и производство кирпича. Значительные положительные социальные и экономические последствия имела реформа 1861 г., освободившая крестьян от крепостного права, и создавшая условия для формирования свободного рабочего класса и развития капиталистических отношений в регионе. После отмены крепостного права в Браславском регионе крестьяне выделяли свои земельные наделы и, стремясь к независимости, создавали самостоятельные хуторские поселения. Хуторская система быстро развивалась в условиях холмисто-моренно-котловинного рельефа, придавая ландшафту особый внешний вид. К началу XX века хуторская система расселения и ведения сельского хозяйства распространилась по всему Браславскому Поозерью.

Развитие в конце XIX – начале XX веков капиталистических отношений в Европе оказало незначительное влияние на активизацию промышленного развития в Браславском регионе в форме мелкотоварного и мануфактурного производства. На фоне аграрно-сырьевой экономической специализации в регионе (главным образом, земледелия) и развития разнообразного ремесленничества и торговли, организовываются первые заводы: винокуренный (1866 г.) и кирпичный (1898 г.). Особенно важным для развития региона было создание кирпичного предприятия, которое стало важным элементом местной экономики, обеспечивая строительные материалы для строительства как жилых, так и общественных зданий. В то же время, необходимо подчеркнуть, что к концу XX века г. Браслав и населенные пункты Браславского Поозерья остаются слаборазвитым регионом. Данные первой переписи населения в Российской империи (1897 г.) указывают на то, что 94,5 %

населения Новоалександровского уезда проживало в сельской местности и занималось сельским хозяйством [54].

В ходе первой мировой войны рассматриваемый регион (с конца 1915 г. до февраля 1918 г.). вначале находился под оккупацией немецких войск, а затем на ее территорию вошли польские войска. По результатам Рижского мирного договора (1921 г.) территория Браславского региона стала составной частью Польши (в составе этого государства будет находиться по 1939 г.) [29, 52]. Вплоть до 1939 года регион (особенно г. Браслав) развивался как туристический центр: вблизи озер строились летние базы отдыха, детские лагеря, яхт-клубы. В источниках есть сведения о том, что на Браславских озерах регулярно проводились крупные парусные регаты. В сельской местности приоритет делался на сохранение хуторской системы расселения и ведения сельского хозяйства [49].

С позиций формирования культурного ландшафта Браславского Поозерья, период нахождения рассматриваемой территории в составе Белорусской советской социалистической республики СССР (БССР) в 1939–1991 гг., на наш взгляд, характеризуется значительным влиянием человека на преобразование природных ландшафтов, заметной трансформацией существовавших до этого видов природопользования, значительным развитием промышленного производства и социально-культурной сферы в регионе. Изменения явились следствием перехода от капиталистических общественно-экономических отношений к социалистическим и, соответственно, – отказа от частной собственности (рыночных отношений) в пользу общественной (государственной, кооперативной либо коллективной) собственности и плановой (регулируемой) экономики. Важным следствием стало создание крупных землепользователей в сельской местности – колхозов и совхозов. Наличие крупной техники для обработки земель способствовало преобразованию в Браславском регионе мелкоконтурных полей в более укрупненные угодья путем проведения в регионе широкомасштабной мелиорации по осушению переувлажненных земель и выравниванию рельефа («срезанию» холмов и засыпке котловин) отдельных неудобных для обработки участков (% мелиорированных земель к концу распада СССР в Браславском районе составил порядка 20 % от площади сельскохозяйственных земель). Укрупнение угодий в совокупности с осуществляемыми в 60–80 гг. XX в. мероприятиями по ликвидации «экономически нецелесообразной хуторской системы расселения» изменили природный холмисто-моренно-котловинный ландшафт на отдельных участках до неузнаваемости.

Значительные последствия для общества, культурной и духовной жизни населения Браславщины имели в этот период действия оккупационных войск фашистской Германии в период 1941–1944 гг.: несколько населенных пунктов и более 10 тыс. человек были уничтожены. Практически полностью было ликвидировано все еврейское население района, результатом чего стало фактическое исчезновение из жизни района «еврейского культурного пласта»: были разрушены все религиозные еврейские сооружения; фактически исчезли евреи-ремесленники (портные, сапожники, столяры) и торговцы, необратимые изменения произошли в демографической структуре населения (некоторые населенные пункты Браславщины до начала войны имели до 25–30% еврейского населения) и др. В равной мере негативный характер имело разрушение/закрытие в регионе в более поздний период (50–70 гг.) религиозных храмов других конфессий. Кроме этого, закрытие храмов не только ограничивало возможность верующих участвовать в богослужениях и религиозных праздниках, но и приводило к ослаблению духовных и социальных связей, снижало чувства

общности, негативно влияло на формирование моральных ценностей у населения. Снос или заброшенность церквей ухудшали облик населённых пунктов, снижая их эстетическую привлекательность.

Одновременно в «советскую эпоху» (особенно в период 50–80 гг. XX века) Браславский регион испытывал значительный социально-экономический рост и культурное развитие, которые оставили значительный след в современном культурном ландшафте Браславского Поозерья. К примеру, развитие сельского хозяйства с акцентом на молочно-мясное производство и зерновое земледелие способствовали открытию в регионе молочного, мясо-консервного и хлебобулочных предприятий, работавших на местном сырье. Большое количество водных ресурсов и рыбных запасов содействовало открытию рыбоконсервного завода, а запасы торфяных месторождений, соответственно, – строительству торфобрикетного предприятия. Благоприятные условия для выращивания льна способствовали созданию в регионе «Браславского льнозавода», а производимая этим заводом продукция – созданию в г. Браслав швейного производства [49]. Рост промышленного производства в Браславском районе привел более чем к двукратному увеличению к концу 1989 г. (в сравнении с 1959 г.) численности городского населения в регионе (к примеру, в этот период численность населения в г. Браславе с 4170 чел. увеличилась до 9546) [55, 56]. Концентрация сельскохозяйственного производства в крупных хозяйствах привела к целевой переориентации сельского расселения: с ранее преобладающего хуторского расселения в послевоенное время к относительно большим (для условий Браславского края) поселкам и деревням (численностью от 50–100 чел. и более) и исчезновению с географических карт многих хуторов. В свою очередь, ускорение темпов сельскохозяйственного и промышленного производств способствовало строительству новых дорог и расширению существовавшей дорожной сети, что значительно трансформировало природный ландшафт.

На современном этапе, несмотря на его непродолжительность (фактически всего 35 лет), начало которого связано с провозглашением в Беларуси государственной независимости (1991 г.), культурный ландшафт Браславского Поозерья, испытал значительные преобразования, в результате которых приобрел свой современный вид. Прежде всего, эти изменения были вызваны последствиями распада СССР и перехода от плановой экономики к рыночным отношениям, оказавшими как положительный (развитие частного сектора, новые возможности), так и отрицательный (экономическая нестабильность, социальные проблемы) эффект в регионе. Результаты изменения (таблица 1, рисунок 5), землепользования, полученные на основе анализа разновременных карт и данных земельного кадастра в Республики Беларусь за период 1935–2023 гг., указывают на то, что за период 1990–2023 гг. значительно сократились площади (в %) под сельскохозяйственными землями (с 51,1 до 44,5; для сравнения – сокращение этой группы земель к 1935 г. составило почти 1/3), под болотами (с 6,3 до 3,9) и под населенными пунктами (с 5,9 до 4,8) при увеличении лесных земель (с 28,5 до 39,0; площадь лесных земель в регионе в сравнении с 1935 г. увеличилась почти на 45 %).

Таблица 1. Структура земель в Браславском регионе (Республика Беларусь)

Вид земель	Площадь земель					
	1935 ¹ га/ %	1990 ² га/ %	изменение 1990 к 1935, %	2023 ³ га/ %	изменение 2023 г. к 1935 %	изменение 2023 г. к 1990 %
Сельскохозяйственные земли	137931 60,49	116469 51,08	84,44	101356 44,45	73,48	87,02
Земли под населенными пунктами	6724 2,95	13540 5,94	201,37	10925 4,79	162,47	80,67
Лесные земли	48020 21,06	64875 28,45	135,1	88548 38,8	184,4	136,49
Болота	14976 6,57	14424 6,33	96,31	8825 3,87	58,93	61,8
Земли под водными объектами	20362 8,93	18706 8,20	91,87	18360 8,05	90,17	98,15
Общая площадь, га	228014	228014		228014		
	100	100		100		

¹- Топографические военные карты Рабоче-Крестьянской Красной Армии (РККА), состояние местности на 1935 г.

²- Топографические карты, выполненные в 1990-е гг.

³- Данные земельного кадастра Республики Беларусь по состоянию на 01.01.2023 г. (площадь земель под населенными пунктами вычислена из OpenStreetMapOSM для региона Республики Беларусь)

Трансформация землепользования явилась следствием экономической нестабильности в регионе в 90-е гг., которая привела к снижению производства и закрытию ряда промышленных предприятий в Браславском районе, сокращению трудового потенциала и миграции населения (численность населения за период с 1989 г по 01.10.2025 г. сократилась почти на 41 % (с 35711 чел. до 22764 чел.) [57]. В какой-то мере по этой причине в 90-е годы XX века и в первое десятилетие XXI века произошла своеобразная трансформация стратегических задач социально-экономического развития региона. С одной стороны, аграрная специализация в регионе обозначена в качестве приоритетного направления социально-экономического развития [58], а с другой – в связи с тем, что природные условия (сильно пересеченный рельеф, низкое плодородие почв) не способствуют росту сельскохозяйственного производства (затраты на выращивание растениеводческой продукции более чем в 1,5 раза выше по сравнению со среднереспубликанскими), а наоборот, формируют на данной территории уникальное биологическое и ландшафтное разнообразие, природоохранная деятельность становится своеобразной визитной карточкой региона.

В 1995 г. в целях сохранения уникальных экосистем, а также эффективного и экологобезопасного использования природных ресурсов на данной территории образован национальный парк «Браславские озера». В границах национального парка отмечено 76 видов растений и грибов, а также 86 видов животных, включенных в Красную книгу Республики Беларусь [59]. Кроме этого, на исследуемой территории функционируют природные заказники республиканского значения «Ричи» и местного значения «Сита», 44 памятника природы республиканского и местного значения. В целом же, в пределах рассматриваемой территории объекты природного наследия первого типа [24] (национальный парк, заказники, в т.ч., водно-болотные угодья международного значения, ключевые ботанические территории международного значения, территории, важные для

птиц международного значения, территории общеевропейского природоохранного значения) в настоящее время занимают 69,2 га (25,9 % площади Браславского ландшафтного района или 10,9 % от площади Поозерской ландшафтной провинции страны).

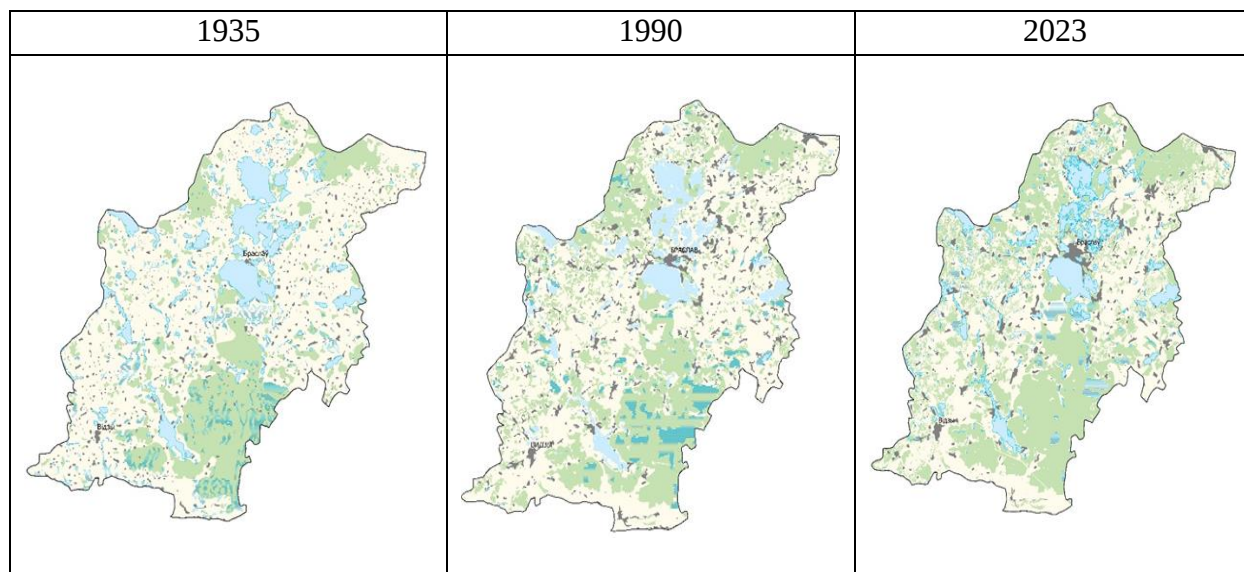

Рисунок 5. Структура земель в Браславском регионе (Республика Беларусь)

Относительно быстрое развитие в регионе получает туристско-рекреационная деятельность: лечебно-оздоровительный и экологический туризм, агроэкотуризм, охота и рыболовство. Единовременно туристско-рекреационная инфраструктура может обслуживать чуть более 2000 организованных туристов и отдыхающих. Такая деятельность также изменяет современный облик культурного ландшафта Браславского региона.

Необходимо отметить, что само придание отдельной природной территории статуса «особо охраняемой» хотя и является важным элементом сохранения природного наследия, но все же не направлено на достижение комплексной цели «концепции» сохранения культурного и природного наследия. Для комплексного анализа всех объектов историко-культурного наследия в Браславском регионе и их систематизации нами были проанализированы материалы Государственного списка историко-культурных ценностей Республики Беларусь, являющиеся основным информационным ресурсом об историко-культурных объектах (ИКО) Республики Беларусь [31]. Типизация ИКО выполнена на основе видов материальных историко-культурных ценностей, включенных в ст. 83 Кодекса о культуре Республики Беларусь [28]. В связи с малочисленностью отдельных видов объектов в ГИС-среде ArcGIS ArcMap 10.7 была проведена их генерализация, и выделены четыре основные группы: памятники истории, памятники градостроительства, памятники археологии и культовые сооружения. В Браславском регионе зарегистрировано 50 объектов историко-культурного наследия (рисунок 6). Наиболее представленной являются группы «памятники истории» и «памятники архитектуры» (соответственно 26 и 23 объекта).

Достижение целей устойчивого развития, на наш взгляд, невозможно без реализации мероприятий по сохранению природного и историко-культурного наследия, которые, в свою очередь, могли бы вносить определенный вклад в социально-экономическое развитие региона. В качестве первоочередного мероприятия подобного плана, наравне с мероприятиями по непосредственной охране природного и историко-культурного наследия,

могла бы стать разработка стратегий развития экологического туризма, ориентированная на познание культурного ландшафта, его истории, самобытности, национальной и региональной ценности и значимости в контексте сохранения как объекта наследия для нынешнего и будущего поколений. Реализация на практике подобных стратегий выполняла бы не только просветительно-образовательную функцию, но и являлась бы дополнительным условием для притока инвестиций в регион, создания новых рабочих мест, повышения благосостояния и обеспечения комфортной среды проживания жителей, увеличения налоговых поступлений от реализации местного турпродукта.

Таким образом, представленные в статье подходы по комплексному исследованию культурного ландшафта и концепция культурного ландшафта в целом, могла бы найти свое применение для достижения национальной цели устойчивого развития «Содействие поступательному, всеохватному и устойчивому экономическому росту, полной и производительной занятости и достойной работе для всех» (цель № 8) в части решения задачи 8.9 «К 2030 году обеспечить разработку и осуществление стратегий поощрения устойчивого туризма, который способствует созданию рабочих мест, развитию местной культуры и производству местной продукции».

Заключение

Результаты исследований показали, что формирование современного культурного ландшафта Браславского региона происходило на протяжении всей истории освоения человеком данной территории и преобразования им природного ландшафта. Основными факторами, повлиявшими на его современный облик, являлись природные, социально-экономические и политические. Проживание на данной территории восточных балтов и постепенная их ассимиляция после рубежа VII и VIII веков славянами, нахождение региона в составе Полоцкого княжества (X век – XIV век), Великого Княжества Литовского (XIV век – 1569 г.), Речи Посполитой (1569–1795 гг.), Российской Империи (1795–1917 гг.) и в составе СССР (1939–1991 гг.), современный период в составе независимой Республики Беларусь (с 1991 г.) и происходящие в эти времена события экономической, социальной, культурной и политической жизни с повторяющимися на данной территории в течение всей истории военными событиями не только способствовали появлению отдельных объектов историко-культурного наследия, но и в целом предопределили своеобразный культурный ландшафт Браславского Поозерья. Сформировавшийся на начальном этапе как культурный ландшафт фортификационного типа в дальнейшем он претерпел значительные изменения и сегодня наиболее соответствует признакам рекреационно-заповедного с элементами традиционного аграрного землепользования. Сохранение культурного ландшафта является необходимым условием достижения национальных и региональных целей устойчивого развития.

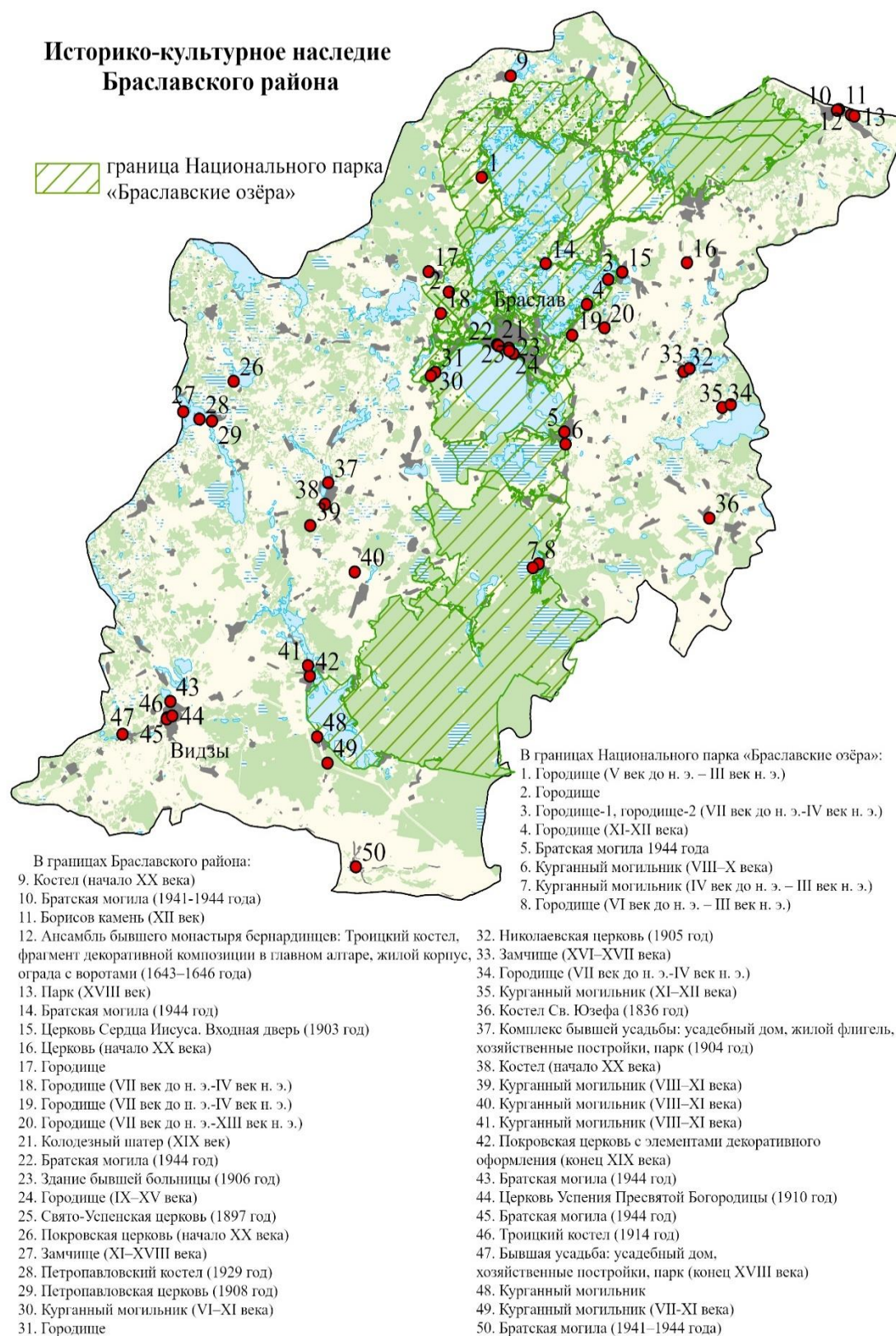

Рисунок 6. Схема размещения объектов историко-культурного наследия в Браславском регионе (по состоянию на 01.01.2025 г.)

Литература

1. Конференция ООН по окружающей среде и развитию (1992a): Agenda 21 [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.shtml [дата обращения 12.03.2025].
2. Глобальные цели в области устойчивого развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/sustainabledevelopment/ru/> [дата обращения 12.03.2025].
3. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Минск: Юнипак, 2004. 204 с.
4. Национальная стратегия устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2030 года [Электронный ресурс]. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR2030/Natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-sotsialno-ekonomicheskogo-razvitiya-Respubliki-Belarus-na-period-do-2030-goda.pdf> [дата обращения 12.03.2025].
5. Национальный перечень показателей Целей устойчивого развития [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/pokazateli-dostizheniya-tseley-ustoychivogo-razvitiya/natsionalnyy-perechen-pokazateley-tseley-ustoychivogo-razvitiya/> [дата доступа – 12.03.2025].
6. Сводная аналитическая панель показателей ЦУР Республики Беларусь [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgplatform.belstat.gov.by/dashboard?datasets=9.c.1> [дата обращения 12.03.2025].
7. Цели устойчивого развития — Цели устойчивого развития в Беларуси [Электронный ресурс]. – URL: <https://sdgs.by/targets/> [дата обращения 12.03.2025].
8. Цель 11: Обеспечение открытости, безопасности, жизнестойкости и экологической устойчивости городов и населенных пунктов [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/ofitsialnaya-statistika/makroekonomika-i-okruzhayushchaya-sreda/pokazateli-dostizheniya-tseley-ustoychivogo-razvitiya/natsionalnyy-perechen-pokazateley-tseley-ustoychivogo-razvitiya/tsel-11-obespechenie-otkrytosti-bezopasnosti-zhiznestoykosti-i-ekologicheskoy-ustoychivosti-gorodov/> [дата обращения 12.03.2025].
9. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия. Генеральная конференция Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры, Париж, 17 октября по 21 ноября 1972 г., 17-я сессия [Электронный ресурс]. – URL: <http://whc.unesco.org/archive/convention-ru.pdf> [дата обращения 12.03.2025].
10. Руководство по выполнению Конвенции об охране всемирного наследия. [Электронный ресурс]. – URL: https://unesdoc.unesco.org/ark:/48223/pf0000369013_rus [дата обращения 12.03.2025].
11. Шишкина А.А. Культурный ландшафт: основные концепции / А.А. Шишкина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. 2011. – №. 1 (21). – С. 151–157.
12. Саушкин, Ю.Г. К изучению ландшафтов СССР, изменённых в процессе производства / Ю.Г. Саушкин // Вопросы географии. 1951. № 24 – С. 276–299.
13. Мильков, Ф.Н. Ландшафтная сфера земли. / Ф.Н. Мильков. – М.: Мысль, 1970. – 208 с.

14. Shirvani, D.A. et al. Climate change and sustaining heritage resources: A framework for boosting cultural and natural heritage conservation in Central Italy / D. A. Shirvani [et all] // *Climate*. 2020. – Т. 8. – №. 2. – 26 с.
15. Джонс, М. Концепция культурного ландшафта: дискурс и повествования. В ландшафтных интерфейсах / М. Джонс // Шпрингер: Берлин, Германия, 2003 – С. 21–51.
16. ICCROM European Cultural Heritage Summit: sharing heritage, sharing values. [Electronic resource] // International Centre for the Study of the Preservation and Restoration of Cultural Property – [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iccrom.org/news/european-cultural-heritage-summit-sharing-heritage-sharing-values> . [дата обращения 12.03.2025].
17. Культурный ландшафт как объект наследия. Под ред. Ю.А. Веденина, М.Е. Кулешовой. — М.: Институт Наследия; СПб.: Дмитрий Буланин, 2004 — 620 с.
18. Ландшафты Белоруссии / Г.И. Марцинкевич [и др.] – Мн.: Университетское, 1989 – 239 с.
19. Марцинкевич, Г.И. Ландшафтная научная школа БГУ и ее роль в образовательной, общественной и социальной сфере Республики Беларусь / Г.И. Марцинкевич // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. – 2021. – № 2 – С. 117–121.
20. Счастливая, И.И., Воробьев, Д.С. Ландшафтоведение: учеб.-метод. пособие / И.И. Счастливая, Д.С. Воробьев. – Минск: БГУ, 2021. – 119 с.
21. Марцинкевич, Г.И. Методологические проблемы и подходы к выявлению и оценке типичных и редких ландшафтов Республики Беларусь / Г.И. Марцинкевич, С.И. Кузьмин, Е.Е. Давыдик, А.В. Бобко // Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. – 2020. – № 2. – С. 34-46. – DOI 10.33581/2521-6740-2020-2-34-46. – EDN ITWJMD.
22. Яцухно, В.М. Ландшафт в контексте сохранения историко-культурного и природного наследия / Вестник Белорусского государственного университета. Серия 2: Химия. Биология. География. 2002. № 2. С. 55.
23. Шаруха, И. Результаты анализа топонимического пласта информационного слоя культурных ландшафтов: на примере гидронимии Полоцкого Поозёр'я / Проблеми безперервної географічної освіти і картографії, вип. 27, ред. В.А. Пересадько et al., Харків 2018, – С. 88–92.
24. Давыдик, Е.Е. Типология культурных ландшафтов в контексте сохранения природного и историко-культурного наследия Беларуси / Е.Е. Давыдик, С.И. Кузьмин, А.А. Сазонов // Материалы I Белорусского географического конгресса : Материалы конгресса к 90-летию факультета географии и геоинформатики Белорусского государственного университета и 70-летию Белорусского географического общества. В 7-ми частях, Минск, 08–13 апреля 2024 года. – Минск: Белорусский государственный университет, 2024. – С. 88-92. – EDN KOVIXM
25. Кузьмин, С.И. Исследование охраняемых заповедно-рекреационных культурных ландшафтов Беларуси в контексте сохранения их природного и историко-культурного наследия и устойчивого развития территорий / С.И. Кузьмин, Е.Е. Давыдик, А.А. Сазонов // Антропогенное ландшафтоведение: методы исследования, модернизация и

- устойчивое развитие : материалы международной научно-практической конференции (Самарканд, 17-18 мая 2024 года). – Самарканд, 2024. – С. 387–391.
26. Червань, А.Н. Оценка пространственной структуры землепользования для идентификации культурных ландшафтов как объектов природного и историко-культурного наследия / А.Н. Червань, С.И. Кузьмин // Актуальные вопросы устойчивого природопользования: научно-методическое обеспечение и практическое решение: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 60-летию НИЛ экологии ландшафтов факультета географии и геоинформатики БГУ, Минск, 09–11 ноября 2022 года / Редколлегия: Д.С. Воробьев (отв. ред.) [и др.]. – Минск: Белорусский государственный университет, 2022. – С. 455–461. – EDN UQVKGD.
 27. Наследие - Национальный парк Нарочанский – [Электронный ресурс]. – URL: <https://narochpark.by/%D0%BD%D0%B0%D1%81%D0%BB%D0%B5%D0%B4%D0%B8%D0%B5> [дата обращения 12.03.2025].
 28. Кодекс Рэспублікі Беларусь аб культуры [электронный ресурс] // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=Hk1600413> [дата обращения 12.03.2025].
 29. Вялікі гістарычны атлас Беларусі ў 3-х тамах. – Мн.: Белкартаграфія, 2009.
 30. Нацыянальны атлас Беларусі / Камітэт па зямельных рэсурсах, геадэзіі і картаграфіі пры Савеце Міністраў Рэспублікі Беларусь. – Мн.: Белкартографія, 2024. – 348 с.
 31. Дзяржаўны спіс гісторыка-культурных каштоўнасцей Рэспублікі Беларусь [электронный ресурс]. – URL: <http://gossapisok.gov.by/Home/Index> [дата обращения 12.03.2025].
 32. Браслаўская града // Геаграфія Беларусі: Энцыкл. даведнік. — Мн.: БелЭн, 1992. — С. 51—52.
 33. Эколого-геоморфологическое обоснование аграрного природопользования (на примере холмисто-моренного рельефа) / В.И. Яцухно, С.И. Кузьмин, Ю.П. Качков // Геоморфология. – 1994. – № 4. – С. 31–38. – EDN NJSWG V.
 34. Деградация почв сельскохозяйственных земель Беларуси: виды и количественная оценка / А.Ф. Черныш, А.М. Устинова, В.Б. Цырибко [и др.] // Почвоведение и агрохимия. – 2016. – № 2(57). – С. 7–18. – EDN YQIKYX.
 35. Зерницкая В.П., Власов Б.П., Матвеев А.В., Новик А.А., Субетто Д.А., Кублицкий Ю.А., Орлов А.В. Корреляция динамики окружающей среды юго-восточной периферии Поозерского (Валдайского) оледенения в позднеледниковье и голоцене. Журнал Белорусского государственного университета. География. Геология. 2020; 1: 45–59. <http://doi.org/10.33581/2521-6740-2020-1-45-59>.
 36. Heikkilä M, Fontana SL, Seppä H. Rapid Lateglacial tree population dynamics and ecosystem changes in the eastern Baltic region. Journal of Quaternary Science. 2009;24(7):802–815. DOI: 10.1002/jqs.1254.
 37. Мікуліч, А.І. Беларусы ў генетычнай прасторы. Антрапалогія этнасу, Мінск, 2005.
 38. Сярэдні каменны век (мезаліт). Засяленне краю плямёнамі паляўнічых, рыбакоў і збіральнікаў // Гісторыя Беларусі: у 6 т. — Т. 1: Старажытная Беларусь. — Мінск: Экаперспектыва, 2007.
 39. Этнокультурные процессы Центральной Беларуси в прошлом и настоящем / А.В. Гурко и др.; научн. ред. А.Викт. Гурко: Нац. акад. наук Беларуси, Центр

- исследований Белорусской культуры, языка и литературы, Фил. «Институт искусствоведения, этнографии и фольклора им. К. Крапивы». — Минск: Беларуская навука, 2016. — 539 с.
40. Чернявский, М.М. К проблеме хронологии неолита Беларуси / М. М. Чернявский // Проблемы хронологии и этнокультурных взаимодействий в неолите Евразии: (хронология неолита, особенности культур и неолитизация регионов, взаимодействия неолитических культур в Восточной и Средней Европе). — Санкт-Петербург: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт истории материальной культуры Российской академии наук, 2004. — С. 149–154. — EDN ХМКАОТ.
41. Дучыц, Л.У. Браслаўскае Паазер’е у IX – XIV стст.: Гіст.-археал. нарыс. Минск, Навука і тэхніка, 1991, 210 с.
42. Археалогія Беларусі. У 4-х тамах. Т. 2. Жалезны век і ранняе сярэднявечча / А. А. Егарэйчанка, В. І. Шадыра, В. С. Вяргей і інш. / Пад. рэд. В. І. Шадыры, В. С. Вяргей. Минск, 1999.
43. Шадыра, В.І. Беларускае Падзвінне (I тысячагоддзе н.э.) — Мінск: ДНУ «Інстытут гісторыі НАН Беларусі», 2006. — 150 с.
44. Краснов, Ю.А. Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы. М.: Наука, 1971. 168 с.
45. Егорейченко, А.А. Браславское Поозерье в первых веках н. э. / Журнал Stratum plus. Археология и культурная антропология. — 2014. — № 4. — С. 149–158.
46. Шадыро, В.И. Этнокультурная ситуация на севере Беларуси накануне образования Полоцкого государства (лингво-археологический аспект) / В. И. Шадыро // Этнокультурные процессы на территории Беларуси в I - начале II тысячелетия нашей эры: материалы международной научной конференции, посвященной 90-летию профессора Э. М. Загорюльского, Минск, 06–07 декабря 2018 года. — Минск: Белорусский государственный университет, 2018. — С. 200-207. — EDN VUOVBD.
47. Шмидт, Е.А. О Тушемлинской культуре IV—VII веков в Верхнем Поднепровье и Подвинье. [Электронный ресурс]. — URL: <https://history.clow.ru/9.htm> [дата обращения 01.04.2025].
48. Гісторыя сялянства Беларусі: у 3-х т. Гісторыя сялянства Беларусі ад старажытнасці да 1861 г. /Аніщанка Я.К., Галенчанка Г.Я., Голубеу В.Ф. [і інш.]; пад рэд. В.І. Мялешкі [і інш.]. — Минск: Беларуская навука, 1997. — Т. 1. — 431 с
49. История Браслава [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.braslaw.by/history> [дата обращения 01.04.2025].
50. Пичета В.И. Аграрная реформа Сигизмунда-Августа в Литовско-Русском государстве. — 2 изд. — М., 1958 (переиздание работы 1917 года). — 548 с.
51. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Кадэты — Ляшчэня / Беларус. Энцыкл.; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (галоўны рэд.) і інш.; Маст. Э.Э. Жакевіч. — Мн.: БелЭн.
52. Ковкель И.И., Ярмусик Э.С. История Беларуси: С древнейших времен до нашего времени. — Минск: Аверсэв, 2000. — 514 с.
53. Локотко, А.И. Маршруты белорусского туризма: историко-культурные ландшафты Беларуси. — ЛитРес, 2019. — 320 с.

54. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. [Электронный ресурс]. – URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_gub_97.php?reg=17 [дата обращения 01.04.2025].
55. Всесоюзная перепись населения 1959 г. Численность городского населения союзных республик (кроме РСФСР), их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/ussr59_reg2.php (дата обращения 01.04.2025).
56. Всесоюзная перепись населения 1989 г. Численность городского населения союзных республик, их территориальных единиц, городских поселений и городских районов по полу [Электронный ресурс]. – URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/sng89_reg2.php (дата обращения 01.04.2025).
57. Численность населения на 1 января 2025 г. по Республике Беларусь. Статистический бюллетень Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.belstat.gov.by/upload/iblock/1fd/m8rjdl8603e7eza52sufglw21em8gdks.pdf> (дата обращения 01.04.2025).
58. План местного экономического развития. [Электронный ресурс]. – URL: <http://braslav.vitebsk-region.gov.by> (дата обращения 01.04.2025).
59. Браславские озера. Национальный парк. Официальный сайт [Электронный ресурс]. – URL: <https://braslavpark.by/> (дата обращения 01.04.2025).

